

Реализация идеи управленческого представительства в системе норм и институтов представительского типа

Николичев Д.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Гражданский кодекс Республики Беларусь предусматривает различные юридические формы участия третьих лиц в делах собственника, регулируя таким образом область отношений представительского типа. Указывая на возможности поверенного, комиссионера, доверительного управляющего, исполнителя завещания и др., законодательство не содержит на этот случай обобщенной нормы, закрепляющей формулу (факт) поведения лица, обладающего на основании законодательства, договора и иной сделки полномочиями (правомочиями) своей волей и по своему усмотрению принимать юридически значимые решения в чужом интересе, что порождает конфликт, который нуждается в обособленном правовом регулировании, как и само отношение.

Цель статьи – теоретико-прикладной анализ правового регулирования отношений представительского типа на предмет оформления обобщенной нормы, закрепляющей свободу усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица.

Материал и методы. В качестве материала исследования выступили законодательство Республики Беларусь, специальная научная и методологическая литература, правоприменительная практика, отражающая современные коллизии в развитии отношений представительского типа. При подготовке статьи были использованы следующие методы научного познания: диалектический, системного анализа, историко-правовой, формально-юридический, аналитико-критический.

Результаты и их обсуждение. В статье рассматривается проблема определения и урегулирования общей для институтов представительского типа области отношений – управленческого представительства. Обоснованы свойства и связи, указывающие на необходимость дополнительного (специального) правового регулирования деятельности уполномоченного (управомоченного) лица, обладающего возможностью своей волей и по своему усмотрению принимать юридически решение в интересе представляемых ими лиц.

Заключение. Определены понятие, характеризующее отношение управленческого представительства, его субинституциональное значение в системе норм и институтов представительского типа. Внесены практические предложения по нормированию в действующем законодательстве факта обладания уполномоченным (управомоченным) лицом свободой усмотрения, а также условия распространения таких правил на типичные отношения.

Ключевые слова: представительство, поручение, полномочие, правомочие, свобода усмотрения, управленческое представительство.

Implementation of the Idea of Management Representation in the System of Norms and Institutions of the Representative Type

Nikolichев D.N.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masharov University"

The Civil Code of the Republic of Belarus envisages different legal forms of the third people's participation in the owner's business by regulating the field of representative type relations. By indicating the attorney, the commissioner, the trustee, the testament performer etc. the legislation does not contain a general norm which fixes the formula (fact) of the behavior of the person, who possesses according to the legislation, contract of another bargain the rights to take legally significant decisions in somebody else's interest by his will and on the basis of the legislation, which causes conflict that needs to be specially legally regulated.

The purpose of the article is theoretical and applied analysis of legal regulation of the representative type relations in view of shaping a general norm which fixes the freedom of discretion in the authorized person's actions.

Material and methods. Legislation of the Republic of Belarus, special scientific and methodological literature, law enforcement practice, which reflects contemporary collisions in the development of the representative type relations, were used as the research material. The following methods of scientific cognition were used: the dialectical, the system analysis, the historical and legal, the formal and legal, the analytical and critical.

Findings and their discussion. The issue of the definition and the regulation of the general for representative type institutions area of relations, management representation, is considered in the article. Features and connections, which indicate the necessity in the additional (special) legal regulation of the actions of the authorized person, who possesses the possibility by his will to make legal decision in the interests of the person he represents, are substantiated.

Conclusion. The concept which characterizes the relation of the management representation, its subinstitutional purpose in the system of norms and institutions of the representative type is identified, Practical propositions on normatization in the acting legislation of the fact of the authorized person's possession of the freedom of discretion as well as conditions of the spreading of these rules onto typical relations are presented.

Key words: representation, charge, authority, warrant, freedom of discretion, management representation.

Практическая реализация свободы усмотрения как возможность лица самостоятельно принимать юридически значимые решения является основой осуществления гражданских прав. На данный аспект ориентированы принципиальные положения, закрепленные в ст. 8 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее ГК) [1]. Действующее законодательство предусматривает различные юридические формы участия третьих лиц в делах собственника, регулируя таким образом область отношений представительского типа. Наделенное полномочием (правомочием) лицо может представлять интересы, участвуя в гражданском обороте как от имени представляемого (непосредственно), так и от своего имени (опосредованно), что находит отражение в форме выдачи доверенности, заключении договора поручения, комиссии, доверительного управления имуществом, деятельности исполнителя завещания и др.

Возможность уполномоченного (управомоченного) лица принимать решение по своему усмотрению получила в практике отношений представительского типа широкое распространение. Свидетельством этому являются содержание выдаваемых доверенностей, условия договоров поручения, комиссии, доверительного управления и др. Так, в рамках доверенности представляемый при сделке с жилым помещением уполномочил поверенного «уплачивать и получать следуемые мне суммы денег, заключать договор купли-продажи, предварительный договор, договор задатка, определяя по своему усмотрению...». В других случаях свобода усмотрения в деятельности поверенного была сформулирована как возможность «определять любые условия заключения сделок с имуществом доверителя, в том числе цену и сроки сделки», «право покупать, продавать, дарить, принимать наследство, денежные средства, оформлять куплю-продажу, кредитные займы, принимать в залог строения и другое имущество». Во исполнение договора комиссии комитент поручил комиссионеру «заключать гражданско-правовые договоры, связанные со строительством объекта, в том числе предварительные и основные договоры купли-продажи изолированных жилых помещений». Оформляя договор поручения, поверенному было предоставлено «право распоряжаться принадлежащим на праве собственности жилым домом и земельным участком». Доверительный управляющий обладал практически неограниченными возможностями в отношении имущества доверителя: «управлять и распоряжаться всем принадлежащим доверителю имуществом, в том числе заключать сделки, получать деньги, распоряжаться всеми счетами...». Приведенные вы-

держки, взятые непосредственно из практики заключения и исполнения договорных обязательств иных сделок, остались бы без внимания, если бы не стали предметом судебных споров по заявлению потерпевшей стороны – представляемого.

В законодательстве, как правило, без надлежащего юридического обеспечения используются оценочные категории, допускающие возможность усмотрения в деятельности лица по исполнению поручения: «в соответствии с обычно предъявляемыми требованиями», «добросовестно и разумно», «в соответствии с обычаями гражданского оборота», «разумный срок», «должной заботливостью», «на выгодных условиях» и т.п. При всем различии и своеобразии институтов представительского типа на одной юридической основе формируется степень свободы усмотрения уполномоченного (управомоченного) лица: осуществление прав и исполнение обязанностей с целью создания правовых последствий для представляемого.

Указывая на возможности поверенного, комиссионера, доверительного управляющего, исполнителя завещания и др., законодательство не предусматривает на этот случай обобщенной нормы, закрепляющей формулу (факт) поведения лица, обладающего на основании законодательства, договора и иной сделки полномочиями (правомочиями) своей волей и по своему усмотрению принимать решения в чужом интересе, что порождает конфликт интересов, который нуждается в обособленном правовом регулировании, как и само отношение. Недооценка существующего явления, свободы усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица и негативные последствия для представляемого создают проблемы для приведения в действие механизма, включающего возможные способы защиты прав и интересов лица, выдавшего полномочие (правомочие) и поручение.

Целью статьи является теоретико-прикладной анализ правового регулирования отношений представительского типа на предмет оформления обобщенной нормы, закрепляющей свободу усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица.

Материал и методы. В качестве материала исследования выступили законодательство Республики Беларусь, специальная научная и методологическая литература, правоприменительная практика, отражающая современные коллизии в развитии отношений представительского типа. При подготовке статьи были использованы следующие методы научного познания: диалектический, системного анализа, историко-правовой, формально-юридический, аналитико-критический.

Результаты и их обсуждение. Традиционно в науке гражданского права понятие «пред-

ставительство» рассматривается в широком и узком смысле. Исходное направление имеет как своих сторонников, так и противников. Первые апеллируют к общим для отношения признакам: «действие представителя в чужом имущественном интересе», «представитель действует за счет представляемого», «существо отношения представительства – сфера оказания услуг». Исходные позиции в разной степени обоснованы в работах Л.А. Аксenchук, Ю.В. Байгушевой, М.И. Брагинского, Н.О. Нерсесова Е.И. Орешина, Л.В. Санниковой, Г.Ф. Шершеневича. Иная аргументация высказана В.И. Синайским, О.С. Иоффе и др., которые объясняют свою точку зрения, апеллируя к законодательству, признающему представительство исключительно в узком смысле, где представителем является только то лицо, которое действует от имени представляемого.

Следует высказать суждение в поддержку тех ученых-юристов, которые исследуя различные подходы в области унификации отношений представительского типа, аргументируют свою точку зрения ссылкой на существо отношения. Институты прямого и косвенного представительства имеют одинаковое назначение – посредством действия одного лица создать права и обязанности у другого, при этом такие действия всегда осуществляются в чужом интересе. Так, еще в период формирования института представительства, по признаку, от чьего имени действует уполномоченное лицо, в пользу существования прямого и косвенного представительства сформировалась определенная научная база. Ученые не оставили без юридического объяснения различные формы участия третьих лиц в делах представляемого. Отдавая отчет всесторонности научного подхода, в сферу обсуждения входили вопросы, связанные с формированием границ свободы усмотрения, объема полномочий представителя, их практической реализацией.

Так, Л.Н. Казанцев в своей работе «Учение о представительстве в гражданском праве: Понятие представительства» подчеркивает позицию В. Шлимана, который наряду со свободой усмотрения, волей посредствующего лица указывает на его самостоятельность, вступая в сделки с третьими лицами [2, с. 26]. Ученые видели назначение института в создании правовых последствий в лице представляемого независимо от того, вступает в отношение с третьими лицами представитель сам или от имени представляемого. В результате возникшая дискуссия по признаку внешней связи привела к выделению косвенного «одностороннего» представительства – и полного представительства. При полном представительстве связь представителя и представляемого для третьего лица видима, при одностороннем представи-

тельстве такая связь для третьего лица скрыта [3, с. 20]. Несмотря на внутреннее существенное различие, писал О.А. Гордон, не следует этот способ юридической деятельности одного лица в интересе другого совершенно исключать из состава представительства [3, с. 22, 35].

Ученые немецкой школы Р. Иеринг, Т. Арндтсон, российский исследователь О.А. Гордон выделяли в качестве скрытых представителей таких лиц, как наместник, управляющий. Эти посредствующие лица обладали наибольшей степенью самостоятельности в делах представляемого. Критикуя позицию коллег, Л.Н. Казанцев писал, что они дошли до крайности при определении представительского отношения – «на чье имя совершается сделка» [2, с. 54]. Однако и сам ученый указывает на практическую целесообразность признания косвенного представительства (скрыть свое имя при покупке-продаже...), что было положено в основу законодательства, регулирующего комиссионную торговлю [2, с. 65], а также в деятельности посредствующего лица от своего имени и за счет приказчика [2, с. 73]. Не поддерживая деление представительства на прямое и косвенное, Л.Н. Казанцев, тем не менее, использует типологию как прием для сравнения институтов. Ученый выделил общую черту – создать последствия для другого за счет другого [2, с. 50] – и различие в лице представителя, который в одном случае действует от имени представляемого, а в другом – от своего имени [2, с. 51–52].

Л.С. Таль, рассуждая о договоре поручения, отмечал, «что многие законодательные положения, регулирующие договор поручения, не являются исключительно специфичными только для этого договора, а напротив, характерны для любых типов договоров, предусматривающих действие в чужом интересе» [4, с. 12–13].

Результат дискуссии имел как научное, так и практическое значение, получив свое закрепление в специальной статье проекта Гражданского уложения (ст. 2045 гл. XII) [5]. Статья предусматривала деятельность уполномоченных лиц по управлению имением, домом, хозяйством, фабрикой, иным имуществом или торговым, промышленным предприятием. Такие лица были уполномочены на совершение любых действий, необходимых для исполнения ими своих обязанностей в соответствии с поручением.

Позже по этому вопросу высказался известный цивилист О.С. Иоффе: «Напротив, материальные отношения, лежащие в основе договоров поручения и комиссии, ничем друг от друга не отличаются: и там и здесь они связаны с осуществлением или приобретением прав и обязанностей одним лицом для другого. Но если первое не выступает от имени второго, нет договора поруче-

ния, а если осуществляющий чужие права и обязанности не выступает от собственного имени, не будет договора комиссии. Следовательно, и названные договоры образуют самостоятельные договорные типы, но уже в результате разнородности не опосредствуемых ими материальных отношений, а существенных условий, объективно необходимых для формирования каждого из этих договоров» [6, с. 23].

Современные точки зрения ученых на предмет прямого и косвенного представительства также не однородны. Как пишет Л.В. Санникова, «вряд ли было бы правильным расценивать законодательные установления как препятствия для выработки более широкого по объему доктринального понятия представительства» [7, с. 55]. В свою очередь Е.И. Орешин предлагает рассматривать представительство в широком смысле, в которое входит не только прямое представительство (представительство в узком смысле), но и косвенное [8, с. 6]. Аналогичные предложения содержатся в диссертационной работе Е.В. Бабкиной [9, с. 7] и др.

На родовой признак представительства обращает внимание и В.К. Андреев, указывая, что «в пределах системы гражданского права является приобретение и осуществление гражданских прав и обязанностей при помощи третьих лиц», видовым признаком ученый называет «совершение сделок и иных юридических действий от имени представляемого в пределах полномочий» [10, с. 20].

Научная дискуссия по вопросам типологии отношений представительства, касающаяся различия и общности институтов, указывает не только на историческую, но и сущностную связь в описании свойств, присущих особой области отношений представительства – управленческого представительства, выделяемой по признаку свободы усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица. Преемственность, основанная на теоретических представлениях ученых, следует из опыта формирования законодательства, а также современных тенденций в этой области. Идея управленческого представительства находит отражение в работе И.И. Веленто и В.С. Елисеева «Теория экономического права». Ученые отмечают: «Если в обычном представительском договоре речь идет о конкретных обязанностях на совершение тех или иных действий, то в управленческом представительстве передаются хозяйственные возможности по владению, пользованию и распоряжению имуществом собственника (опосредованного собственника)» [11, с. 211–212].

Обзор взглядов на формирование отношений представительства, понимание представительства в его узком и широком значении по признаку действия лица в чужом интересе по поручению позволяют сделать следующее заключение.

Юридическое обоснование представительства ученые связывали с особенностью правового положения лица, действующего по поручению в чужом интересе, а индивидуализацию по внешней стороне: действовал представитель от своего или имени представляемого. Возможно выделить основные признаки, характерные для отношений представительского типа в целом:

- действие уполномоченного (управомоченного) лица в чужом интересе;
- назначение – создать правовые последствия для представляемого, независимо, от чьего имени действует представитель;
- различная степень свободы в действиях посредствующего лица при оформлении отношений с третьими лицами в интересе представляемого;
- посредствующее лицо выражает свою волю в определенной форме по отношению к третьему лицу, которая может быть абсолютно определенной, относительно определенной и определенной по усмотрению уполномоченного лица.

Если первые два свойства традиционны, то выделенные последующие два содержательно подчеркивают относительную взаимосвязь отношений представительского типа и особой области отношений – управленческого представительства, где уполномоченное (управомоченное) лицо, действуя в чужом интересе, обладает возможностью принимать решение по своему усмотрению.

В свое время, для того чтобы показать разницу между представителем и передатчиком чужой воли (нунцием), были потрачены значительные усилия, результатом которых стал образ прямого и косвенного представительства. *Сегодня для реализации идеи управленческого представительства необходимо показать общность институтов представительского типа.*

Несмотря на то, что каждая из групп отношений (прямое и косвенное представительство) обладает специфическими признаками, а каждый в отдельности вид обеспечивается особым юридическим режимом, отношениям представительского типа и управленческому представительству свойственны некоторые общие моменты, связанные не только с действием лица в чужом интересе. Объяснить место управленческого представительства в этой системе возможно, обратившись к законам диалектики, раскрывающим взаимосвязь явлений, когда стороны единого целого выступают противоположностями, которые одновременно находятся в состоянии взаимосвязи и взаимообусловленности. Иначе говоря, управленческое представительство (по признаку свободы усмотрения), служащее частью каждого из видов представительства, есть явление общее, а по отношению к деятельности лица в чужом интересе (тип) – явление частное.

Элемент свободы усмотрения в деятельности одного лица по поручению другого позволил в свое время ученым раскрыть сущность отношений представительства, многообразие его видов. Как в прямом, так и в косвенном представительстве лицо может действовать в чужом интересе, обладая различной степенью свободы усмотрения, в результате коллизии разворачиваются вокруг юридического эффекта сделок, совершенных таким лицом вопреки интересам представляемого (поверенного, комитента, вверителя и др.). Сегодня вопрос урегулирования свободы усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица – это необходимость решения конфликта интересов сторон, участников отношений представительского типа. Определение формулы свободы усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица относительно видов прямого и косвенного представительства позволит обеспечить баланс интересов участников правового отношения.

В научной литературе особенность видового разнообразия отношений представительского типа раскрывается через содержание таких юридически значимых элементов, как поручение, полномочие, правомочие, действие представителя. Указывая на внутреннюю и внешнюю стороны одного явления, исходные понятия корректируют представление о том, каким образом основная черта управленческого представительства – свобода усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица, проявляет себя в структурных элементах представительского отношения. Решение этой задачи позволит вывести формулу свободы усмотрения уполномоченного (управомоченного) лица в отношениях представительского типа.

В толковом словаре русского языка, раскрывающем значение слова «представитель», такое лицо связывается с действием по поручению: «это лицо, которое действует по чьему-нибудь поручению» [12]. Одно из значений термина «поручение» в толковом словаре Д.Н. Ушакова определяется, как «вменить в обязанность, возложить на кого-нибудь исполнение какого-нибудь дела» [13]. Исходное значение не противоречит юридическому и может служить в качестве объединяющего для прямого и косвенного представительства. Следует согласиться с констатацией того, что поручение как социально-правовое явление несмотря на его широкое применение в законодательстве остается малоисследованным [14, с. 15–16]. И тем не менее юридическое содержание этого вопроса не оставлено без внимания учеными-юристами. Поручение как элемент внутреннего отношения представительства обычно рассматривается исследователями в неразрывной связи с полномочием и, как правило, не рас-

крывается [3, с. 51–52]. Причиной этому является эффект представительства, когда для третьих лиц юридическое значение имеет не столько поручение, сколько полномочие, его пределы, объем. Внутреннее отношение констатируется учеными как делегирующее правоотношение, порождающее полномочие и обязанность представляемого принять на себя правовые последствия действий представителя [15, с. 73]. Более конкретно эту мысль формулирует Ю.С. Харитонова: «Полномочие в частноправовом смысле можно представить как поручение соответствующему лицу, что он должен сделать на данном месте» [16, с. 139].

Стирание грани между поручением и полномочием, в основании деятельности лица в чужом интересе, не учитывает существа взаимосвязи и взаимообусловленности этих двух понятий. Такой подход не охватывает всех сторон причинно-следственной связи возможного конфликта интересов. Как показала практика, причина конфликта не в том, что полномочие не представлялось, а в результате исполнения поручения на основании и в объеме представленных полномочий, однако в ущерб интересам представляемого.

Оценивая такой результат, на наш взгляд, более убедительной является точка зрения тех ученых, которые придают самостоятельное значение поручению как предмету будущих действий уполномоченного (управомоченного) лица. Содержание поручения позволяет оценить не только круг юридических действий, сделок, доверяемых уполномоченному лицу, но и необходимый для этого объем полномочий, а в целом наличие или отсутствие свободы усмотрения в поведении представителя. По справедливому замечанию А.О. Гордона в адрес Н.О. Нерсесова, эти стороны представительства должны быть отличаемы, но не отождествляемы [3, с. 50]. Обращал на это внимание при работе над проектом Гражданского уложения и Л.С. Таль. Ученый указывал, что договор поручения смешивался с выдачей полномочия, а следовательно, необходимо разграничивать понятия «поручение» и «выдача полномочий» [4, с. 55]. На необходимость отличать полномочие и поручение уже на современном этапе исследований обращали внимание В.А. Рясенцев [17, с. 81], Е.А. Суханов [18], М.И. Брагинский [19].

В отличие от поручения, характеристика полномочия представлена в научной литературе многообразием взглядов. Так, проводя сравнение полномочия и поручения в представительстве, А.О. Гордон указывал: «Объем полномочия представителя, т.е. право его уполномочивать и обязывать лицо представляемое» [3, с. 49]. «Полномочие представителя подходит под понятие прав, имеющих своим содержанием изменение права», – такая позиция Л. Эннексеруса [20, с. 249]. А.А. Евец-

кий придерживался аналогичной точки зрения на полномочие как право представителя [21, с. 14]. Г.Ф. Шершеневич предлагал определить полномочие как круг сделок, разрешенных представителю [22]. Подобный подход разделялся не всеми. Иная точка зрения на полномочие видится во взглядах Н.О. Нерсесова, который понимал под полномочием указание на власть представителя непосредственно управомочивать или обязывать самого принципала своими сделками с третьими лицами [23]. О.С. Иоффе трактовал полномочие представителя как «юридический факт, определяющий границы присоединения к правоспособности представляемого [24, с. 221]. «Проявлением гражданской правоспособности» называет правомочие представителя В.А. Рясенцев [17, с. 87]. Полномочие как «организационное субъективное право представителя на совершение от имени и в интересах представляемого определенных юридических действий...» рассматривается Е.Л. Невзгодиной [25, с. 83].

Принципиально все направления указывают на элемент возможности в полномочиях представителя. Полагаем, что изложенные позиции цивилистов на существо полномочий представителя заслуживают внимания, но требуют для целей характеристики полномочий (правомочий) лица в режиме управленческого представительства дополнительной аргументации через призму институтов косвенного представительства.

Исследуя договор комиссии, ученые указывают на ряд черт, объединяющих отношение прямого и косвенного представительства. В первую очередь, это построение структуры межсубъектных связей, где имеет место и внутреннее, и внешнее отношение. Проследивая такую взаимосвязь, Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «на внешней стороне, в сделках с третьими лицами, комиссионер представляется совершенно самостоятельным торговым деятелем. Напротив, на внутренней стороне, в отношении комитента, комиссионер является только исполнителем его поручения, стоит в зависимости от данных ему инструкций. На внешней стороне комиссионер чаще всего купец, на внутренней – это просто доверенный» [26, с. 178]. На содержательное сходство указывал и О.С. Иоффе: «Иначе складываются возникающие в силу договора комиссии внутренние отношения. Они аналогичны правоотношениям, основанным на договоре поручения. И если в ряде случаев применяемые к ним правила отличаются от норм, посвященных договору поручения, то это объясняется природой порождаемых комиссионным договором внешних отношений» [6, с. 271].

Деятельность комиссионера от своего имени при вступлении в отношения с третьими лицами есть юридически обеспеченная возможность,

пределы которой находят отражение в выдаваемом поручении комитента. Однако в отличие от договора поручения отсутствие юридически обеспеченной связи между поручением и полномочием позволяет обратить внимание на ряд дискуссионных вопросов, решение которых связано с обеспечением интереса лица, выдавшего поручение в режиме свободы усмотрения.

Определяя существо внутренних взаимосвязей комитента и комиссионера в договоре комиссии, некоторые ученые исключают полномочие как элемент представительского отношения. Объясняется это тем, что комиссионер действует от своего имени, данный элемент теряет значение в отношении с третьими лицами. Так, В.В. Брагинский, обосновывая данное обстоятельство, пишет: «Сторона, на которую возлагается поручение (комиссионер), замещает того, от кого исходит поручение (комитента), действуя от собственного имени. По указанной причине комиссионер не нуждается в наделении необходимыми для совершения сделки с третьим лицом полномочиями комитентом, а значит, и в выдаче подтверждающей полномочия доверенности» [27, с. 288]. Действительно, комиссионер согласно действующему законодательству не является представителем, однако этим же законодательством такое лицо наделяется возможностью совершать сделки с чужим имуществом.

На наш взгляд, если признать, что у комиссионера отсутствуют какие-либо полномочия или правомочия на совершение сделок с третьими лицами, то как квалифицировать его возможность (право) по приобретению и распоряжению имуществом для комитента? В научной литературе по данному вопросу содержательно высказался К. Ларенц. Ученый отметил, что косвенное представительство содержит в себе противоречие, когда фактическое положение интересов сторон не полностью согласуется с правовым оформлением [28, S. 534]. Приобретая для представляемого имущество в силу сделки, косвенный представитель, являясь стороной в сделке, становится носителем прав и обязанностей по такой сделке, в том числе и по отношению к этой вещи юридически, хотя фактически такая вещь есть собственность комитента (представляемого). По нашему мнению, если и делать ссылку на закон, то с акцентом на то, что комиссионер, действуя от своего имени, обладает правомочием, которое и позволяет ему совершать сделки в интересе комитента. Более ясно аналогичный вопрос определяется законодательством при указании на возможности доверительного управляющего. Такое лицо наделяется правомочием самостоятельно от своего имени совершать в отношении вверенного ему имущества любые фактические и юридические действия в интересах вверителя или выгодоприобретателя (п. 2 ст. 895 ГК).

Несмотря на различие в понимании базовых категорий, действующее законодательство, допускающая юридическое основание деятельности лица в чужом интересе, связывает возможности такого лица с обладанием полномочием или правомочием для решения типичных задач. В правомочии, как и в полномочии, отражается элемент свободы усмотрения, параметры которого не должны входить в резонанс с поручением, что неизбежно приведет к противоречию, а в итоге – к конфликту интересов сторон представительского соглашения.

Исследуя названные категории, К.И. Скловский отмечает, что полномочие имеет то общее с правомочием, что создает юридические последствия для принципала непосредственно без его участия, и в этом смысле – односторонне, в полномочии и правомочии заключается право на собственные действия, не требующее для своей реализации содействия третьих лиц [29, с. 107]. Суть представительства как раз и состоит в действиях без всякого участия представляемого; он мыслится не как волящий субъект, а как обладатель интереса, который должен проявляться в сделках представителя [29, с. 95–96]. Резюмируя свою позицию, ученый приходит к заключению: качественное своеобразие полномочия достаточно для того, чтобы выделить его в составе «прав на установление права» наряду с правомочием.

Характеристика и оценка таких элементов, как поручение, полномочие, правомочие, на предмет общности их назначения делает возможным создание общей формулы поведения для лиц, действующих в чужом интересе (поверенного, комиссионера, доверительного управляющего и др.) на условиях предоставленной законодательством, договором и иной сделкой возможности принимать решения своей волей и по своему усмотрению.

Автор приходит к выводу о том, что полномочие (правомочие) лица в отношениях управленческого представительства есть юридически обеспеченная возможность осуществлять целевые права и обязанности представляемого, подкрепленная правом уполномоченного (управомоченного) лица самостоятельно и своей волей принимать юридически значимые решения в интересе представляемого.

Исходное заключение позволяет идентифицировать отношение управленческого представительства в типичных институтах путем указания на условие его возникновения (проявления). Отношение управленческого представительства возникает, изменяется и прекращается по основаниям, характерным для институтов представительского типа, при наличии двух дополнительных взаимосвязанных условий – свободы усмотрения в действиях уполномоченного (управомоченного) лица и возможности при осуществлении полномочий

(правомочий) своей волей принимать решение, которым и определяется степень юридической и фактической самостоятельности лица.

Свобода усмотрения, влияя на особенность структурных элементов управленческого представительства, объясняет специфику его связей в системе институтов представительского типа. Использование же логической формулы обобщения понятий и ограничения понятий [30] позволяет определить место управленческого представительства в системе типовых категорий. Так, управленческое представительство (по признаку свободы усмотрения) относительно отношений представительского типа является ограниченным понятием, а для понятий, раскрывающих формы (поручение, комиссия, доверительное управление и др.) деятельности лица в чужом интересе, – обобщающим.

С точки зрения первого подхода, признак управленческого представительства – свобода усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица – указывает на ограниченность понятия в системе отношений представительского типа. Управленческое представительство, по этому же признаку, является обобщающим понятием по отношению к тем видам представительства, формы которого предусмотрены действующим законодательством, отражая деятельность лица в чужом интересе.

Такой подход позволяет не только индивидуализировать исследуемое явление на уровне самостоятельных институциональных образований, таких как доверенность, договор поручения, комиссии, доверительного управления имуществом, исполнителя завещания, но и одновременно установить их общность, выделить в этом порядке субинституциональное образование через присущую названным институтам область усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица.

В научной литературе субинститут рассматривается в системе иерархии, или соподчиненности головному институту. О самостоятельном значении субинститута как структурной единицы в системе права высказывался О.С. Иоффе. Ученый подчеркивает: «Институт не только не последнее после нормы подразделение отрасли права (имеются еще и подотрасли), но и не всегда первое подразделение, следующее за ней, так как самостоятельные органические образования встречаются иногда и внутри института. Такие образования можно назвать субинститутами» [31, с. 35]. Под субинститутом, пишет Е.А. Киримова, следует понимать четкую совокупность правовых норм, внутри крупного правового института, регулирующего определенные особенности, специфику видовых общественных отношений. Автор отмечает, что в этом случае предмет правового

го регулирования института остается прежним, а само регулирование (метод) приобретает определенную специфику [32, л. 86].

Можно ли назвать модель управленческого представительства субинститутом? Однозначно утверждать сложно, однако возможно обозначить по этому вопросу свою позицию. Традиционно связь норм «институт–субинститут» строится по вертикали, в соподчиненной иерархии с головным институтом. Такое построение характерно для некоторых договорных обязательств. В развитие института договора купли-продажи сформированы субинституты: розничная купля-продажа, продажа недвижимости, поставка и т.д. По такой же системе построены правила и о договоре аренды, подряда, как типовидовые образования. Проявлению управленческого представительства, свойственна взаимосвязь по горизонтали. Практика формирования действующего законодательства и теоретические наработки не исключают такой систематизации. Примером могут служить следующие сформированные в действующем законодательстве субинституциональные образования. В обязательственном праве можно говорить об институте займа и субинституте коммерческого займа (ст. 770 ГК), имеющем свою прописку в различных видах обязательств (по признаку обеспечения интереса). В праве промышленной собственности на теоретическом уровне выделяются нетрадиционные объекты права промышленной собственности и их субинституты: служебная и коммерческая тайна, информация, секреты производства (по специфике правового режима объекта). Алиментные обязательства предусматривают такие субинституты, как алиментные обязательства родителей, детей, супругов, бывших супругов (по критерию субъекта) [33, с. 9].

Приведенные положения свидетельствуют о том, что в последнее время законодателем применяются такие технические межинституциональные способы правового регулирования, которые позволяют осуществить более точное регулирование общественных отношений. Наблюдается систематизация взаимосвязей «институт–субинститут» не только в традиционно принятой иерархической системе (по вертикали), но и проявление субинституциональных образований по горизонтали, когда одинаковое явление свойственно нескольким институтам, не имеющим законодательной привязки к головному институту.

Уже сегодня ставится вопрос о возможности научной проработки так называемых комплексных субинститутов, закрепляющих возможность их функционирования в рамках нескольких правовых институтов [34, с. 53]. В этом направлении ведется работа по выделению смешанных субинститутов, содержащих охранительные и регу-

лятивные возможности.

Именно такой подход характерен для систематизации и урегулирования особой области отношений представительского типа – управленческого представительства.

В научной литературе раскрываются факторы и условия формирования определенных звеньев в системе права. Так, для образования новой совокупности норм необходимы следующие условия: степень своеобразия тех или иных отношений, их удельный вес, невозможность урегулировать возникшие отношения с помощью норм других отраслей и институтов, необходимость применения особого метода [35, с. 311]. В более общих формулировках по этому вопросу высказывается С.С. Алексеев, говоря об особом виде общественных отношений, требующих правового регулирования с помощью специфического метода и механизма регулирования [36, с. 45].

Если подходить к выделению управленческого представительства в системе норм и институтов представительского типа согласно заданным параметрам, то первичным будет общее для группы отношений свойство – деятельность лица в чужом интересе. Дополнительным признаком, указывающим на образование управленческого представительства, является обладание уполномоченным (управомоченным) лицом свободой усмотрения. Свобода усмотрения придает определенную специфику традиционным элементам представительского отношения и образующим его связям.

Таким образом, охватывая своим действием нормы и институты представительского типа, управленческое представительство одновременно выступает как субинституциональное и межинституциональное образование, позволяющее установить факт свободы усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица независимо от того, действует ли такое лицо в гражданском обороте от своего имени или от имени представляемого.

Понятие управленческого представительства строится не на его отличии от других категорий одной видовой принадлежности, а на выделении в этих видовых категориях общих свойств, одним из которых является признак свободы усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица. Типовой признак – деятельность лица в чужом интересе – позволяет различать две области отношений, основанных на поручении (деятельность лица в чужом интересе от своего имени и от имени представляемого). Однако такому различию свойственны и общие элементы, образующие не только целостность правоотношения, но и подчеркивающие существующие связи. К таким элементам следует отнести наличие поручения, полномочие и правомочие. Именно в этих элемен-

тах находит отражение существенное свойство управленческого представительства – различная степень свободы усмотрения уполномоченного (управомоченного) лица. Таким образом, понятие «управленческое представительство» методологически строится не на его отличительных, а на существенных свойствах, которыми обладают различаемые в законодательстве, но имеющие общую природу и назначение институты.

Заключение. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что как при прямом, так и косвенном представительстве уполномоченное (управомоченное) лицо в силу законодательства, договора и иной сделки в различной степени обладает свободой усмотрения, когда полномочие, правомочие и поручение не связаны конкретным объемом и рамками действий, а определенная поручением цель достигается таким лицом своей волей, ограниченной назначением предоставленных полномочий (правомочий). Обобщая изложенное, можно следующим образом определить понятие, характеризующее отношение управленческого представительства, – это целевое, организационное гражданско-правовое отношение, основанное на деятельности лица в чужом интересе в форме прямого либо косвенного представительства, когда уполномоченное (управомоченное) лицо, обладая свободой усмотрения, самостоятельно и своей волей формирует отношение с третьими лицами в интересе представляемого определенной сферой назначения предоставленных полномочий (правомочий).

Управленческому представительству присущи следующие юридически значимые свойства и связи, предполагающие необходимость их нормативного обеспечения:

- действие лица в чужом интересе, что охватывает формы прямого и косвенного представительства;
- управленческое представительство носит дискреционный характер, что подчеркивает наличие в полномочиях (правомочиях) лица области усмотрения, позволяющей ему своей волей принимать юридически значимые решения в интересе представляемого;
- уполномоченное (управомоченное) лицо при исполнении поручения самостоятельно принимает юридически значимые решения, что указывает на возможность выбора действия (бездействия) и средств достижения цели, определенной представляемым;
- правоотношение управленческого представительства потенциально содержит конфликт интересов уполномоченного (управомоченного) лица и представляемого на предмет негативных для представляемого последствий;
- управленческое представительство явля-

ется обобщающим понятием, позволяя квалифицировать деятельность уполномоченного (управомоченного) лица в отношениях прямого либо косвенного представительства в режиме управленческого представительства.

Сформулированное в научном аспекте, универсальное по назначению определение отношений управленческого представительства не вписывается в формальные требования ГК, так как кодекс структурно не содержит общих норм о деятельности лица в чужом интересе. Однако проведенное исследование доктринальных, нормативных и практических аспектов на предмет свободы усмотрения в деятельности поверенного, комиссионера, доверительного управляющего и др. позволяет, технически используя положения главы 10 «Представительство. Доверенность» ГК как наиболее близкой по правовой природе и отвечающей существу исследуемых отношений, нормативно закрепить управленческое представительство как универсальное субинституциональное образование.

С целью нормирования факта обладания лицом возможностью принимать решения своей волей и по своему усмотрению, действуя в чужом интересе, в отношениях представительского типа, предлагается дополнить главу 10 ГК «Представительство. Доверенность» статьей 190-1 «Правовое регулирование отношений управленческого представительства», состоящей из следующих частей.

Часть 1 изложить в следующей редакции:

«Представительство, в котором уполномоченное (управомоченное) лицо своей волей и по своему усмотрению принимает юридически значимые решения в отношении имущества, имущественных прав и обязанностей представляемого в отношениях с третьими лицами, именуется управленческим представительством».

Предложенная дефиниция позволит при различных основаниях (законодательство, сделка, договор и иное соглашение) идентифицировать правовое положение уполномоченного (управомоченного) лица (поверенного, комиссионера, доверительного управляющего, исполнителя завещания и др.) путем установления в поручении и полномочии (правомочии) факта, указывающего на возможность принимать решения своей волей и по своему усмотрению, а в случае нарушения интереса представляемого ввести в действие охранительный механизм, признав совершенные уполномоченным (управомоченным) лицом деяния в ущерб интересам представляемого недействительными с последующими последствиями такого признания.

Поскольку свойства управленческого представительства присущи институтам как прямого (деятельность лица от имени представляемого),

так и косвенного представительства (деятельность лица от своего имени), предлагаем сформулировать правило, позволяющее распространить на нормы и институты представительского типа действие управленческого представительства. Для этого считаем целесообразным изложить ч. 2 ст. 190-1 ГК в следующей редакции:

«Положения об управленческом представительстве распространяют свое действие на договоры и иные сделки, совершаемые уполномоченным (управомоченным) лицом в чужом интересе, если законодательством или соглашением сторон не определено иное».

Дополнительное нормирование социально-экономических отношений по осуществлению прав и исполнению обязанностей уполномоченным (управомоченным) лицом позволит унифицировать режим, усилить обеспеченность интереса представляемого независимо от того, действует ли такое лицо от своего имени или от имени представляемого.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 г. № 135-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Казанцев, Л.Н. Учение о представительстве в гражданском праве: Понятие представительства / Л.Н. Казанцев. – Ярославль: Тип. Г. В. Фальк, 1878. – Вып. 1. – 131 с.
3. Гордон, А.О. Представительство в гражданском праве / А.О. Гордон. – СПб.: Тип. Шредера, 1879. – 447 с.
4. Таль, Л.С. Договор доверенности или поручения в проекте гражданского уложения / Л.С. Таль. – СПб., 1911.
5. Гражданское уложение: проект Высочайшей учрежденной Редакционной комиссии по составлению проекта Гражданского уложения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitutions.ru/?p=4930&page=14>. – Дата доступа: 15.09.2018.
6. Иоффе, О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. – М.: Юридлит, 1975. – 880 с.
7. Санникова, Л.В. Договоры о представительстве / Л.В. Санникова // Журнал российского права. – 2004. – № 4. – С. 54–59.
8. Орешин, Е.И. Договоры о представительстве в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.И. Орешин; Ин-т гос. и права РАН. – М., 2007. – 26 с.
9. Бабкина, Е.В. Международный договор коммерческого представительства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.В. Бабкина; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 19 с.
10. Андреев, В.К. Представительство. Доверенность / В.К. Андреев // Нотариус. – 2013. – № 3. – С. 20–25.
11. Веленто, И.И. Теория экономического права: учеб. пособие / И.И. Веленто, В.С. Елисеев. – Минск: Книжный дом, 2006. – 416 с.
12. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1996. – 908 с.
13. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Д.Н. Ушаков. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/961126>. – Дата доступа: 15.09.2018.
14. Баранов, В.М. Юридическое поручение как общетеоретический феномен (к методологии анализа) / В.М. Баранов, Е.В. Служкина // Юрист. – 2003. – № 7. – С. 15–17.
15. Красавчиков, О.А. Советское гражданское право: учебник / О.А. Красавчиков. – М., 1972. – Т. 1. – 448 с.
16. Харитонова, Ю.С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики: монография / Ю.С. Харитонова. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 304 с.
17. Рясенцев, В.А. Представительство и сделки в современном гражданском праве / В.А. Рясенцев. – М.: Статут, 2006. – 604 с.
18. Суханов, Е.А. Агентский договор [Электронный ресурс] / Е.А. Суханов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 12. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/comm/7274>. – Дата доступа: 16.08.2018.
19. Брагинский, М.И. Договор поручения / М.И. Брагинский // Хозяйство и право. – 2001. – № 4. – С. 31–32.
20. Энекцерус, Л. Курс германского гражданского права: в 2 т. / Л. Энекцерус. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950. – Т. 1, полутом 2. – 568 с.
21. Евецкий, А.А. Представительство при заключении юридических сделок / А.А. Евецкий. – Харьков: Универ. тип., 1877. – 62 с.
22. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич [Электронный ресурс] // Классика российской цивилистики. – Режим доступа: http://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1557.html. – Дата доступа: 13.01.2018.
23. Нерсесов, Н.О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве [Электронный ресурс] / Н.О. Нерсесов // Классика российской цивилистики. – Режим доступа: http://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/393.html. – Дата доступа: 12.06.2018.
24. Иоффе, О.С. Советское гражданское право: избр. тр.: в 4 т. / О.С. Иоффе. – М.: Статут, 2000. – Т. 2. – 781 с.
25. Невзгодина, Е.Л. Представительство и доверенность по гражданскому праву России: проблемы теории. Законодательство РФ. Вопросы правоприменительной практики / Е.Л. Невзгодина; под ред. В.Л. Слесарева. – Омск: ОмГУ, 2005. – 548 с.
26. Шершеневич, Г.Ф. Товар. Торговые сделки / Г.Ф. Шершеневич // Курс торгового права: монография: в 4 т. / редкол.: В.С. Ем, Н.В. Козлова. – М.: Статут, 2003. – Т. 2. – 544 с.
27. Брагинский, М.И. Договоры о выполнении работ и оказании услуг / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский // Договорное право: в 6 кн. – М.: Статут, 2002. – Кн. 3. – 1055 с.
28. Larenz, K. Allgemeiner Teil des deutschen bürgerlichen Rechts / K. Larenz. – München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1989. – 674 S.
29. Скловский, К.И. Правомочие и полномочие в механизме возникновения гражданских прав: в 2 ч. / К.И. Скловский // Хозяйство и право. – 2004. – № 11. – Ч. 1. – С. 99–112.
30. Рузавин, Г.И. Логика и аргументация / Г.И. Рузавин. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/logika-3/12.htm>. – Дата доступа: 12.06.2018.
31. Иоффе, О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) / О.С. Иоффе // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1968. – № 14. – С. 35.
32. Киримова, Е.А. Правовой институт: дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Киримова. – Саратов, 1998. – 170 л.
33. Пьянов, Н.А. Консультации по теории государства и права. Тема «Система права» [Электронный ресурс] / Н.А. Пьянов // Сибир. юрид. вестн. – 2003. – № 3. – Режим доступа: <https://pravo33.wordpress.com/2008/10/17/>. – Дата доступа: 12.06.2018.
34. Орехов, И.В. Признаки субинститута права: настоящее и будущее / И.В. Орехов // Вестн. Омс. ун-та. Сер. Право. – 2016. – № 3(48). – С. 51–55.
35. Матузов, Н.И. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юрист, 2004. – 512 с.
36. Алексеев, С.С. Структура советского права: собр. соч.: в 10 т. / С.С. Алексеев // Специальные вопросы правоведения. – М.: Статус, 2010. – Т. 2. – 471 с.

Поступила в редакцию 05.09.2018 г.